

ВЫХОДИТЬ
Еженедельно по Субботамъ.
Подписка принимается во
всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ
Имперіи, въ С. П. и М. газет-
ныхъ Экспедиціяхъ и у Почт-
мейстера Кріденера въ Тифл.;
Въ С. П. Б. у книгопрод. Кра-
шенинникова, въ конторѣ Газ.
Кавказъ, учрежденной при кн.
маг. егона Михайл. пл. въ домѣ
Католич. церкви, а въ Москвѣ
у Книгопролаца Готье.

Головая цѣна.
Въ Тифлисѣ 7 руб. сереб.
съ пересылкою и доставкой на домъ 8 р.
Полугодовая:
съ пересылкою и доставкой на домъ 4 р.

СУББОТА 2-го ЮЛЯ 1849.

СОДЕРЖАНІЕ. Тифлисъ.—Александрополь.—Росписаніе движеній паракхда отъ Одессы
до Редуть-Кале.—Блокада и штурмъ замковъ Ахульго.—Разсказъ на вечерѣ въ галлерей
Михайловскаго источника.—

№ 27.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ
присутствіи Своемъ въ г. Краковѣ, соизволило
отдать слѣдующіе приказы:

По военному вѣдомству.

Юня 2-го дня 1849 года.

Переводится. По Пѣхотѣ. Егерскаго Генераль-
Адъютанта Князя Воронцова, Прапорщикъ Рей-
теръ, въ Галицкій Егерскій Полкъ.

Въ присутствіи своемъ, въ м. Змигородѣ, въ
Галиціи.

Юня 3-го дня 1849 года.

Производятся по экзамену, со старшинствомъ
съ 26-го Мая сего года. Въ Прапорщики. Въ Ли-
нейные Баталіоны: Кавказскіе. Свирчевскій—Гру-
зинскій № 7-го. Черенковъ—№ 1-го. Василенко
5-й—№ 2-го. Кароико 4-й—№ 3-го. Кіовъ
5-й—№ 6-го. Степановъ 7-й—№ 9-го. Плато-
новъ—№ 11-го. Кузьминъ 4-й—№ 12-го. Теше—
№ 1-го. Фонъ-Платенъ—№ 4-го.

Назначается. По Арміи. По Линейнымъ Баталіо-
намъ. Кавказскаго № 1-го, Поручикъ Флорин-
скій, Плацъ-Адъютантомъ въ г. Ставрополь, съ
зачисленіемъ по Арміи.

Юня 5-го дня 1849 года.

Производятся: за отличие по службѣ. По Кавалеріи.
Состоящій по Кавалеріи Поручикъ Лавре-
ловъ, въ Штабъ-Капитаны, съ оставленіемъ по
Кавалеріи. Драгунскаго Его Королевскаго Высочес-
тва Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Полка:
Капитанъ Ганте, въ Маіоры. Поручикъ Моисеевъ,
въ Штабъ-Капитаны. Прапорщикъ Гутовскій, въ
Поручики. По Пѣхотѣ. Апшеронскаго Пѣхотнаго
Полка. Поручикъ Васильевъ 5-й, въ Штабъ-
Капитаны. Прапорщикъ Лебля, въ Подпоручики.

РАЗСКАЗЪ НА ВЕЧЕРѢ

ВЪ ГАЛЛЕРЕЙ МИХАЙЛОВСКАГО ИСТОЧНИКА

(Послѣдствіе Sophie W....)

(Окончаніе).

Насталъ и вечеръ. Общество наше собралось у О-ва.
Его мы нашли въ самомъ дурномъ расположеніи духа; но
такъ какъ съ нимъ случалось это не рѣдко, то мы ни-
сколько и не удивлялись этому. Надина разливала чай.
Въ ней тоже замѣтно было сильное разстройство: въ
лицѣ ея видна была грусть, ручки ея дрожали, стаканы
безпрестанно падали изъ нихъ. Все какъ то не клѣбилось;
я взялся угощать наше общество чаемъ, а Надину мы
просили сыграть что нибудь на фортепьяно. Замѣтите,
что она была артистка въ душѣ и на фортепьяно играла
превосходно. Сначала она отговаривалась, ссылаясь на
головную боль; но потомъ сѣла за фортепьяно, взяла нѣ-
сколько акордовъ, бѣгло пробѣжала по клавиатурѣ, еще
акорды, и чудная молитва Нормы разлилась въ ушахъ
нашихъ. Сколько вѣжности было въ игрѣ Надины, сколько
пламеннаго одушевленія; казаться, душа ея слилась
съ бархатными звуками, вылетающими изъ нодъ ея бѣ-
ленькихъ, аристократическихъ пальчиковъ; глаза ея пы-
лали огнемъ таланта, грудь высоко поднималась, щеки
покрылись яркимъ румянцемъ. Она увлеклась болѣе и
болѣе и, незамѣтно перешедши въ (С. Моль), начала фанта-
зировать; тогда, въ импровизированныхъ звукахъ ея, слы-
шалась тоскливая мелодія; она высказывала тихую жалобу,
томительный бредъ, грусть давящую сердце, прощаніе съ
радостью и потомъ покорность Небесному Отцу.

— Что это? вдругъ воскликнулъ О-въ, и захохоталъ во
все горло: вы кажется играете Requiem Моцарта? Право,
вти чувствительные звуки какъ-то не пристаю къ вамъ;
они вамъ вовсе не къ лицу.

Надина слегка поблѣднѣла. Акорды, подобный силь-
нѣйшему взрыву, вылетѣли изъ фортепьяно. Бѣдная! Она
хотѣла заглушить вопль, готовый вырваться изъ груди
ея... вдругъ, ударъ грома разразился въ воздухѣ, сте-
кло взвизгнуло и холодной вѣтеръ съ воемъ ворвался въ
залу; свѣчи загасли, зала превратилась въ непроницаемую
тьмень; къ ней водворилась могильная тишина; блеснула
молнія и яркимъ, пронзительнымъ свѣтомъ перерѣзала
тьму: Надина была блѣдна какъ мертвецъ. Зажгли свѣчи,

Тифлисскаго Егерскаго Полка Маіоръ Каргановъ,
въ Подполковники. По Линейнымъ Баталіонамъ.
Грузинскаго Линейнаго Баталіона № 10-го Маіоръ
Петренко, въ Подполковники.

Переводится. По Кавалеріи. Драгунскаго Его
Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Вир-
тембергскаго Полка Поручикъ Елашичъ, въ Улан-
скій Его Императорскаго Высочества Великаго
Князя Константина Николаевича Полкъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ Мо-
наршее СВОЕ благоволеніе за отличо-усердную
и ревностную службу: Дагестанскаго Пѣхотнаго
полка: Командиру онаго, Генераль-Маіору Ездо-
кимову, Подполковнику Асееву 2-му, Маіору Клу-
гелю, Штабъ-Капитану Добрянскому, Поручи-
камъ: Вытошикову, Нелмиръ и Подпоручику Ко-
нцинскому.

Его Величество объявляетъ также Высочай-
шее благоволеніе за отличо-усердную службу:
состоящему при Полевой Провіантской Комиссіи
Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Коллежскому
Совѣтнику Дроздову, Члену Ставропольскаго По-
леваго Провіантскаго Комиссіонерства, Надвор-
ному Совѣтнику Шиманову; Титулярнымъ Совѣт-
никамъ: Дистанціонному Комиссіонеру Полевой
Провіантской Комиссіи Отдѣльнаго Кавказскаго
Корпуса, Тамлину; Смотрителю Тифлисскаго Про-
віантскаго магазина, Померанцеву и Лекарю Гу-
зинскаго Линейнаго № 11-го Баталіона, Лебедин-
скому.

ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ.

Высочайшими Именными Указами, данными Ка-
питану Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ
Орденъ, Всемиловѣйше пожалованы кавале-

заложила ставни; все приняло прежній порядокъ. Надина
по прежнему сидѣла за фортепьяно, грустная, блѣдная,
опустивъ голову на грудь и скрестивши на колѣняхъ руки.
О-въ подошелъ къ ней.

— Вы кажется плачете? сказалъ онъ холодно. Поверьте,
прелестная Надина, что неумѣстные слезы всегда возбу-
ждаютъ смѣхъ.

Несчастная дѣвушка! Она не могла переносить болѣе.
— Павелъ! вскричала она, заплакавъ горько; Павелъ!
Что вы дѣлаете со мной? За что вы такъ смѣетесь надо
мною? Слышите ли Павелъ! Я играла, я совершенно забы-
лась; тогда душа моя звала Ангела — хранителя укрѣ-
пить ее и вы видѣли, какъ грозно явился онъ на сердеч-
ной призвѣ! Я осуждена уже Богомъ, теперь остаются
только насмѣшки людей, а потому, погони смерть!...

О-въ не отвѣчалъ, да и что было отвѣчать ему? Онъ
повернулся на каблукахъ и ушелъ въ кабинетъ; мы разо-
шлись. Намъ больше ничего не оставалось дѣлать.

На другой день утромъ, послѣ происшествія этого, На-
дина у себя сидѣла за письменнымъ столомъ и писала
письмо. Вотъ его содержаніе:

» Благодарю васъ Павелъ, за труды ваши и мое вос-
» питаніе! оно повело меня къ настоящему, жалкому
» положенію; теперь только я поняла васъ! Павелъ,
» вамъ мало было искусить меня, отнять у меня
» честь, доброе имя, отнять отца, понимаете ли вы?
» отца, моего батюшку! О, нѣтъ! вы обольстили
» меня, еще смѣетесь надо мною... Прощайте
» счастливые дни, прощайте золотыя мечты, про-
» щайте сладкія надежды!... Увы! я потеряла все,
» лишилась всего!... Что же мнѣ дѣлать? Ахъ! что
» дѣлать мнѣ? скажите Павелъ! скажите мнѣ доб-
» рые люди!... Правда, я во всемъ виновата одна;
» за что же я васъ виню Павелъ? я и сама не знаю.
» Теперь я не понимаю ничего, голова болитъ, въ
» глазахъ темнѣетъ, руки дрожатъ, на сердцѣ та-
» жело, ужасно тяжело!... Но я бы не жаловалась
» на судьбу свою, я бы не роптала на васъ Павелъ,
» если бы одна только я могла страдать; а отецъ
» мой, мой бѣдный старикъ! Онъ и не знаетъ, что
» любимая дочь его преступна; съ какою любовью
» онъ цѣлуетъ меня, съ какою любовью глаза его
» останавливаются на мнѣ, какъ крѣпко прижимаетъ
» онъ меня къ благородной, израненой груди своей
» и какъ сильно тогда забьется его доброе сердце.
» Ахъ, Павелъ, Павелъ! взгляните къ ту бездну
» отчаянія, въ которую вы ввергли меня и вы уви-
» дите, что она не измѣрима. За все, я презираю
» себя; но болѣе не люблю уже васъ... о нѣтъ!

рами ордена Св. Анны нижеслѣдующія лица:
Мая въ 24-й день, — въ воздаяніе за отличное муж-
ество и храбрость, оказанныя 7-го Сентября
прошлаго года, при покореніи враждебнаго Акин-
скаго аула Веурхо, — знаками ордена Св. Анны
третьей степени съ бантомъ для мусульманъ уста-
новленными: Назрановскаго Общества, деревни Мар-
тазеновой, Прапорщикъ Дошлуко-Гамурзиевъ и
четвертой степени съ надписью «за храбрость»,
Галгавскаго Общества, деревни Картъ, Прапор-
щикъ Джамшора-Беккузаруковъ.

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. Въ Тифлисѣ мѣсто почтише не насту-
пало. Прорывалась дни жаркіе, но къ вечеру, или
ночью дождь тушилъ жаръ, а больше двѣй такихъ
что невидно солнца, черныя тучи висятъ надъ
городомъ, сверкаетъ молнія, грохочетъ громъ и
дождь летитъ какъ изъ ведра. Въ особенности въ
ночь на 28 число разразилась гроза и страшный
ливень угрожалъ потопленіемъ; къ счастью, онъ
продолжался недолго. Мѣстами онъ повредилъ
сады и даже пашни, а въ другихъ, снесъ въ Ку-
ру сжатый уже и связанный въ снопы хлѣбъ.
Кура снова затопила большую часть острововъ.
Въ Тифлисѣ не только прохладно, а даже, ночью,
холодно.

Въ Коджорахъ и другихъ мѣстахъ лѣтняго
пребыванія топятъ печи и кутаются отъ холода,
какъ въ глубокую осень.

Направленіе вѣтра и тучъ перемѣняется, то
отъ сѣверо-востока, то отъ юго-запада. Травы
поправляются, но хлѣбъ, еще не снятый,
гниетъ на корнѣ. Фруктовъ чрезвычайное обиліе.

27-го Юня, въ Тифлисѣ скончался Командиръ
Сводно-учебнаго баталіона, Маіоръ Николай Пав-
ловичъ Ждановъ.

» Не могу же я пересилить чувствъ моихъ Павелъ!
» милый, добрый Павелъ! Я люблю тебя, и теперь,
» въ настоящую минуту болѣе нежели когда ни-
» будь!... обвини же меня хоть еще разъ въ жизни
» и тогда убей меня собственными руками!

Зачеатавъ письмомъ это, Надина отправила его къ О-ву.
Три дни ждала она отвѣта и какъ перемѣнилась она въ
эти три дни! Впрочемъ, не думайте, чтобы она подурнѣла;
напротивъ: блѣдность, выраженіе слабости, страданія, при-
дали ей тотъ отгѣнокъ, который такъ идетъ женщинѣ,
точно также, какъ мужщинѣ мужество и сила. На чет-
вертый день Надина рѣшилась пойти къ О-ву, вадѣясь
хоть состраданіе поселить въ сердцѣ его. Руководимая
этою мыслью, она начала заниматься туалетомъ своимъ.

Къ 11-ти часамъ утра, туалетъ ея былъ оконченъ. На-
дѣвъ шляпку и перчатки, съ тревожнымъ чувствомъ
вышла Надина изъ дому. Черезъ 10-ть минутъ она была
уже у О-ва.

О-въ полулежалъ на диванѣ и читалъ только что при-
сланныя газеты. Тихонько растворивъ двери, Надина ста-
ла на колѣни и крестообразно сложила руки свои. О-въ
продолжалъ читать, вѣроятно онъ не замѣтилъ ее.

— Павелъ! едва внятно прошептала она. Отвѣта не было.

— Павелъ! сказала она громче.

О-въ быстро поднялъ голову, положилъ газеты и посмо-
трѣлъ на нее съ видомъ человѣка, наступившаго на самую
отвратительную гадину.

— Что тебѣ надо? грубо спросилъ онъ Надину.

— Павелъ! я пришла не за тѣмъ... болѣе она ничего
не могла сказать и лишилась чувствъ. Ее отнесли ко мнѣ
и, съ помощью лангета привели въ чувство. Меж-
ду тѣмъ, оставивши ее на попеченіе доктора,
я пошелъ къ О-ву, чтобы внушить ему то состраданіе,
которое онъ долженъ былъ имѣть къ дѣвущкѣ и къ ста-
рому, заслуженному солдату.

О-ва я засталъ въ совершенномъ разстройствѣ: онъ
большими шагами ходилъ по залѣ; волосы его были вскло-
кочены; искуанные до крови губы, владись во внутри;
глаза выражали страданіе.

Увидѣвъ меня, онъ поклонился и, сказавъ «прошу са-
диться» продолжалъ ходить. Съ удивленіемъ и долгомъ слѣ-
дилъ я за выраженіемъ лица его, за всѣми его движе-
ніями и наконецъ, улучивъ минуту, подошелъ къ нему.

— Павелъ Андреевичъ! сказалъ я, дружески, взявъ его
за руку.

Онъ поднялъ голову.

— Вы страдаете другъ мой? спросилъ я его кротко.

Онъ громко захохоталъ.

— Я страдаю, и ужасно страдаю! сказалъ онъ насмѣш-

Александрополь. 25 го Юня. Съ наступленіемъ весны вѣтшаго года, жители Шурагельскаго участка, получившіе отъ Правительства средства на обмененіе своихъ полей, весело принялись за хлѣбопашество, съ надеждою на вознагражденіе убытковъ прошлаго года, причиненныхъ хлѣбомъ прилегавшею въ этотъ край саранчею. Но къ ужасу своему увидѣли, что прожорливое это насекомое, со всходами хлѣбовъ и травъ начало выводится въ разныхъ мѣстахъ Шурагельскаго участка въ чрезвычайной большихъ массахъ, и подвигается къ травамъ и вспаханнымъ полямъ. Мстныя распоряженія Начальства о истребленіи этого насекомого, при непонятной дѣлности и безпечности простаго народа шли неудачно; много употреблено хлопотъ, но пользы отъ нихъ было мало, а между тѣмъ, саранча подрастала, увеличиваясь выходившими изъ земли новыми массами и грозила полямъ опустошеніемъ. Александропольскіе почетные жители Г. Маіоръ Векиловъ, Препорщикъ Назаремъ Тиграновъ и другіе, помня прошлогоднее бѣдствіе причиненное саранчею, и постигая новую бѣду, спихва-

тились вовремя отвратить ее собственными средствами. Зная безпечность простыхъ людей, выгоняемыхъ на поля для истребленія саранчи, нехотнѣ занимавшихся своимъ дѣломъ, или проводившихъ время восѣвъ на травѣ, на коей и гнѣзился еще безсильный врагъ ея, придумали самую умную мѣру: они составили довольно значительный денежный капиталъ, открыли на базарѣ вѣсѣ, опрегѣлили таксу, и начали платить приносящимъ съ полей саранчу, за всякій вѣсъ наличными деньгами, весьма выгодно. Вдругъ откулавилось горячее усердіе къ добру у этого, повидимому безпечнаго народа; толпы являлись наполняя гдѣ лежала саранча, принимались за дѣло, и работа закинула. Многіе городскіе жители побросали обыкновенные свои мѣлкія промышленности и разсѣлились по полямъ за легкою добычей; бѣдные, нуждающіеся въ средствахъ пропитанія, уличные мальчишки, равнодушные ко всему въ мірѣ нищія, и, удивительное дѣло, женщины толпами выходили на поля ловить саранчу, за которую платили чистымъ серебромъ, безъ всякаго спору. Забыли всѣ предупрежденія о тяжкомъ грѣ-

хѣ, за истребленіе этого насекомого и другіе недѣлныя отговорки безпечныхъ дѣтлевъ; толпы у городскихъ вѣсель съ набитыми саранчею мѣшками смѣнялись другими, ее таскали въ чѣмъ можно, изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ на себѣ, везли на арбахъ, какъ самый надежный товаръ на скорый и вѣрный сбытъ, и получивъ плату, торопились на поля за новою добычей. Между тѣмъ, прилетѣвшіи во множествѣ птицы Тарби, вмѣшались въ эту работу людей, вырыкали изъ подъ рукъ ихъ добычу, и дѣло кончилось съ успѣхомъ. Теперь, благодаря Бога и учредителей капитала, умно придуманная цѣль достигнута, и саранча въ Шурагельскомъ участкѣ не существуетъ. Мѣра эта, придуманная добрыми людьми и выполненная съ успѣхомъ, начала оказывать благотѣльные послѣдствія: цѣны на хлѣбъ и другіе жизненныя припасы со дня на день значительно понижаются на общую пользу, добрыхъ людей. Жертва порадуется въ семь году труды земледѣльцевъ богатою жатвою, а городскихъ жителей обезпечитъ прежнею дешезвиною въ приобрѣтеніи жизненныхъ потребностей.

РОСПИСАНІЕ

ВРЕМЕНИ ВЫХОДА И ПРИХОДА ПАРАХОДА СОДЕРЖАЩАГО СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ ОДЕССОЮ И РЕДУТЬ КАЛЕ.

Выходить изъ Одессы ниже—означены въ чиселъ въ 10 часовъ утра.	П Р И Х О Д И Т Ъ В Ъ					Выходить изъ Редуть-Кале въ 8 часовъ утра ниже—означены въ чиселъ.	Н А О Б Р А Т Н О М Ъ П У Т И В Ъ				
	Севастополь и выходить тѣхъ же чиселъ въ 10 час. утра.	Ялту и выходить тѣхъ же чиселъ въ 6 часовъ.	Одессію и выходить тѣхъ же чиселъ въ 11 часовъ веч.	Керчь и выходить тѣхъ же чиселъ въ 8 часовъ утра.	Редуть-Кале.		Керчь и выходить тѣхъ же чиселъ въ 8 часовъ утра.	Одессію и выходить тѣхъ же чиселъ въ 10 час. вечера.	Ялту и выходить тѣхъ же чиселъ въ 11 час. вечера.	Севастополь и выходить тѣхъ же чиселъ въ полдень.	ОДЕССУ.
Юля 7	8	8	9	10	13	19	20	22	23	24	25
Августа . . . 4	5	5	6	7	10	16	17	19	20	21	22
Сентября . . . 1	2	2	3	4		13	14	16	17	18	19
» 29	30	30	Октября 1	2	5	11	12	14	15	16	17
Октября . . . 27	28	28	29	30	Ноября 2	8	9	11	12	13	14

Примчаніе. 1.) Сверхъ того, какъ пароходу необходимо будетъ укрываться отъ волненія въ Сухумъ-Кале и запасаться тамъ антрацитомъ, предположеннымъ къ заготовленію: то слѣдуетъ допустить пріемъ пассажировъ и грузовъ, какъ въ этотъ портъ, такъ и изъ оного въ другіе порты, означенныя въ этомъ росписаніи. 2.) Пароходы слѣдуютъ по этому росписанію изъ Одессы, будутъ сходиться въ Севастополь съ пароходомъ, находящимся на линіи сообщенія съ Крымскими портами, гдѣ и простоятъ вмѣстѣ до 5 часовъ времени и 3.) Послѣдній рейсъ будетъ совершенъ по этому росписанію въ такомъ случаѣ, когда это позволитъ состояніе погоды.

ливо — трагическимъ тономъ.
 — И давно вы имѣете причину страдать такъ? спросилъ я его, въ свою очередь, довольно холодно.
 — Съ тѣхъ поръ, какъ началъ понимать себя и другихъ.
 — Извините, я кажется помѣшалъ размышленіямъ вашимъ, вы о чемъ то думали.
 — Дѣйствительно я думалъ и думалъ о томъ, что иногда странность переходить въ порокъ, а порокъ въ преступленіе.
 — Но мнѣ кажется, что эта гибельная прогрессія зависть отъ самаго себя.
 — Вамъ кажется такъ?
 — Я думаю, что иначе и быть не можетъ.
 — Прежде я самъ думалъ такъ, а теперь начинаю сомнѣваться въ этомъ.
 Не знаю чѣмъ бы кончился разговоръ нашъ; но онъ былъ прерванъ скрипящею дверью. Мы оглянулись и увидѣли Гранитова. Онъ былъ блѣденъ; красные глаза его, высказывали горькія слезы; руки и ноги дрожали.
 — В-ше Б-іе! вскричалъ онъ увидѣвъ О-ва, В-ше Б-іе, батюшка Павелъ Андреевичъ! да что же вы сдѣлали съ старикомъ то! . . . бѣдная . . . дочь . . . онъ махнулъ рукою и горько заплакалъ.
 — Пошелъ вонъ! съ бѣшенствомъ закричалъ на него О-въ.
 Но результатъ вышелъ совсѣмъ не тотъ, какого быть можетъ ожидалъ онъ.
 Гранитовъ гордо поднялъ голову; лицо его посинѣло отъ скорби и гнѣва; строгимъ взоромъ отразилъ онъ пылающіе глаза О-ва и голосомъ, который проникъ до глубины души моей, сказалъ:
 — А, вы выгоняете меня изъ дому! но знайте, вы на это не имѣете права! А вы обезчестили дочь мою, вы опозорили имя мое, вы лишили меня помѣлнанаго утѣшенія въ старости моей и я же не имѣю права сказать вамъ что? нѣтъ, я вамъ сей часъ докажу, что я имѣю его: я вамъ припомню нѣсколько минутъ изъ жизни вашей: я возобновлю въ вашей памяти старыя дѣла, гдѣ несчастный Гранитовъ, пожертвовалъ кровью своею, вырвалъ вѣсь изъ рукъ неприятели и спасъ вамъ жизнь! тогда вы цѣловали руки мои, тогда вы называли меня своимъ спасителемъ, вторымъ отцомъ. . . но вѣдь Богъ! . . . Тамъ есть Богъ! . . . Онъ видитъ все! . . . и старикъ зарыдалъ снова.
 — Любезный Гранитовъ! сказалъ О-въ смягченнымъ голосомъ, — простите обиды мои; твою Надиньку я беру къ себѣ и . . . смою съ нее это пятно, которое вамъ кажется такимъ чернымъ.
 Пронзительный крикъ раздался въ передней. Гранитовъ

упалъ въ ноги къ О-ву и добромъ стукнулся о полъ; прожареніе руки его, старались обнять колѣни искусителя, помутившіеся глаза искали ногу его. . . . .
 Было 9 часовъ вечера. О-въ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ своемъ и докуривалъ сигару. Надина сидѣла у ногъ своего любовника.
 Докуривъ сигару, О-въ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и скрестивъ на груди руки, остановился передъ Надиною.
 — Надина! сказалъ онъ, нѣжно смотря въ глаза ея; другъ мой! оставь меня, забудь меня; я не могу больше тебя любить! Ангель мой, повѣрь, что въ дѣломъ мнѣ нѣтъ человѣка несчастнѣе меня, во всей вселенной нѣтъ существа, которое бы страдало болѣе моего! Ты думаешь, что въ груди моей нѣтъ чувствъ, ты воображаешь, что въ сердцѣ моемъ нѣтъ огня? Дитя мое! взгляни сюда, о, взгляни въ грудь мою и ты увидишь, какая пронзительная боль терзаетъ меня! . . . .
 О-въ подошелъ къ столу, отперъ маленькую шкатулку и досталъ изъ нее золотой медальонъ покровострой работы; въ немъ заключался портретъ премиленькой 19-ти лѣтней дѣвушки; тутъ же были иемень, золотое кольцо и сѣтка, перевитыхъ кантановыхъ волосъ.
 — Добрая Надина! воскликнулъ онъ; клянусь тебѣ этими святыми предметами, что я не откажусь отъ тебя, я тебя люблю. Любовь твою, нѣжная ласка, достоинства высокой души твоей, доставили мнѣ несказанное блаженство; а теперь . . . О-въ не смотря на меня такъ, но жалкій меня, поцаловалъ рази неба! я страдаю, я ужасно страдаю Нада!
 Надина была блѣдна, взоръ ея неподвижно остановился на О-въ. На одной слезенки не было на глазахъ ея, на одного движенія въ лицѣ. Это была скорь, глубокая скорь; это было стоическое крушеніе чувствъ.
 О-въ потянулъ и нѣжно поцѣловалъ ея руку. Что то похожее на вздохъ, вырвалось изъ стѣсненной груди Надины.
 — Продолжай, продолжай! сказала она, неясная своего положенія. Продолжай Павелъ, твой голосъ смягчаетъ слова твои.
 О-въ посмотрѣлъ на нее съ невыразимомъ грустью.
 — Другъ мой! продолжалъ онъ, — недовою еще я былъ слишкомъ мотомъ; бывшая стаетъ улетѣла менѣедалеко, я лишился обожаемой невесты, лишился всего, что такъ возлюбилъ душу твою, сердце, ласкаю самолюбіе; о, тогда я жилъ другою жизнью; во мѣбѣ былъ лучшая душа, иное сердце! Теперь, я сдѣлался холоденъ ко всему, что меня окружаетъ и, ежели и тогда я вслѣдствіе огня въ груди моей, ежели очерствѣло сердце и разажогся

когда вибуть, ежели нѣжныя чувства развернутся въ душѣ моей, то это не болѣе, какъ вспышка догорающаго пламени и горе тому, кто захочетъ отогрѣться ею! Она угаснетъ въ минуту и онъ, съ убійственнымъ разочарованіемъ найдетъ безчувственный мраморъ и холодный ледъ!
 — И такъ, дитя мое, оставь же меня, оставь страдальца, который не можетъ утѣшить тебя, не можетъ подарить тебя любовью. Благодаря тебѣ за тѣ отравныя минуты, которыми ты дарила меня! Повѣрь, онъ будутъ лучшими воспоминаніемъ въ потерянной жизни моей. Прости меня за всѣ страданія, причиною коимъ была полая душа моя; прости несчастнаго и Бога награди тебя! . . . .
 Сердце въ груди О-ва расплавилось, жгучее пламя охватило душу, онъ склонилъ голову и заплакалъ.
 — Боже мой, Боже! вскрикнула дѣвушка и начала ломать себѣ руки. . . вдругъ, она остановилась какъ бы пораженная чѣмъ то потопомъ подбѣжала къ зеркалу, поправила волосы и какъ Офелія захотала.
 О-въ поднялъ голову. Холоднымъ, спокойнымъ взоромъ посмотрѣлъ на висѣвшій пистолетъ; мѣрнымъ шагомъ подошелъ къ стѣнѣ; снялъ его, ввелъ курокъ и . . . . . Надина вскрикнула и медленно склонилась къ полу.
 Въ то время, когда О-въ читалъ Надинѣ исповѣдь свою, Гранитовъ стоялъ на колѣняхъ и жарко молился о своей дочери. Услышавъ выстрѣлъ, онъ стремглавъ бросился изъ комнаты и влекомый голосомъ сердца, вбѣжалъ прямо къ О-ву.
 Страшно было смотрѣть на горестъ старика, страшно было смотрѣть на его нѣмую, но выразительную скорь. Онъ остановился передъ окровавленной дочерью и только спросилъ:
 — Нада, кто убилъ тебя?
 — Ягига пистолетомъ и . . . нечаянно . . . прострѣлъ . . . грудь свою. . . Павелъ! будь счастливъ! . . . я умер . . . . . горько ея змѣнѣ и смерть выкатилъ по дѣлному, прощальную слезу изъ голубыхъ, прекрасныхъ глазъ Надины. Она умерла.
 О-въ выскочилъ въ переднюю, выпилъ стаканъ холодной воды и ускакалъ въ ближайшій аулъ.
 Гранитовъ все еще стоялъ безмолвно. Онъ былъ грозенъ, какъ мось, страшенъ какъ ужасъ. Начесть, испугавъ обѣ руки въ сѣдые свои волосы, обвелъ блуждающими глазами комнату; глухой, несвѣдливый звукъ влрвилъ изъ слабѣющей груди и потъ зипредилъ ось его патенія. Потомъ, легкій треметь, послѣдній крикъ, предсмертная агонія и все смолкло.
 На другой день похоронили дочь и отца вмѣстѣ. Панихы уже кончались. Н. Ашенбергъ-Нагорный.

БЛОКАДА И ШТУРМЪ ЗАМКОВЪ АХУЛЪЮ.

въ 1839 году.

(Извлечено изъ записокъ Полковн. Милотина).

Общій взглядъ на театр дѣйствій въ географическомъ, топографическомъ, военномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Въ 1839 году военныя дѣйствія на Кавказѣ происходили въ трехъ различныхъ сторонахъ: на берегахъ Чернаго моря—Генералъ-Лейтенантъ Равскій дѣлалъ высадки и строилъ укрѣпленія; къ сторонѣ Каспійскаго моря,—два сильныхъ отряда дѣйствовали въ Дагестанѣ: одинъ, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Головина, въ Южномъ Дагестанѣ противъ вольныхъ Лезгинскихъ обществъ, обитающихъ въ верховьяхъ долины Самурской; другой же, подъ командою Генералъ-Лейтенанта Граббе—въ Северномъ Дагестанѣ и частью въ Чечнѣ, для восстановления спокойствія и безопасности на Левомъ флангѣ Кавказской Линіи.

Театръ дѣйствій Северо-Дагестанскаго отряда былъ весьма обширенъ, ограничивался треугольникомъ, съ вершинами въ укрѣпленіяхъ: Ташъ-Кичу, Темиръ-Ханъ-Шуръ и Хунзахъ. Но не смотря на это, экспедиція 1839 года, по слѣдствіямъ своимъ и значенію на общій хлѣбъ дѣлъ, далеко распространила влияние на племена всего сѣверо-восточнаго края Кавказа.

Большая часть очерченного пространства представляетъ страну гористую, по множеству отроговъ, къ югу постепенно возвышающихся, по мѣрѣ приближенія своего къ главному становаму хребту; къ сѣверу отъ нихъ, простирается почти непрерывная плоскость, сливающаяся съ обширными степями Кавказской Области. Узкая, равнинная полоса тянется также вдоль берега Каспійскаго моря.

Нѣсколько значительныхъ отраслей со второстепенными отрогами, отдѣляющихся отъ становаго хребта, въ сѣверо-восточномъ и въ сѣверномъ направленіи, и оканчивающіеся на равнинѣ Шамхальскаго владѣнія, замыкаютъ обширный бассейнъ Койсу, заключающій въ себя четыре рѣки, которыя всѣ соединяются въ одну, принимающую названіе Сулака.

Всѣ горныя рѣки имѣютъ общій характеръ: въ верхнихъ частяхъ много бродовъ, въ среднихъ и нижнихъ рѣдко, и то въ извѣстное время года. Лѣтомъ же, также при всякой перемѣнѣ въ атмосферѣ, рѣки эти, въ незамѣтное время вдругъ поднимаются высоко, уничтожаютъ броды, ворошатъ огромныя камни, измѣняютъ самое русло; а въ низовьяхъ, среди равнинъ, выливаются широко изъ береговъ. Большая часть мостовъ въ это время свисаетъ; прочныхъ же, каменныхъ, весьма немного. Наконецъ, есть много такихъ мѣстъ въ горахъ, гдѣ русло рѣки до того стѣсняется нагорными берегами, что утесы образуютъ какъ бы готовые устои, арки, для связи которыхъ стоитъ только положить бревно съ одного берега на другой.

Горы, составляющія бассейнъ Койсу, обнажены и каменисты; вѣтви же, идущія отъ сѣвернаго, такъ называемаго Андійскаго хребта, въ Нагорную Чечню и Салатавию, по мѣрѣ удаленія своего отъ него, покрываются лѣсомъ, и тучный слой чернозема представляетъ, особенно въ предгоріяхъ, страну обильную растительностію. Горы эти извѣстны подъ различными частными наименованіями; но послѣднія ихъ отрасли, покрытыя богатымъ лѣсомъ, извѣстны подъ общимъ названіемъ черныхъ горъ. Лѣса покрывающіе ихъ, тянутся почти до самой Сунжи.

Ущелья рѣкъ суть безпрепятствыя каменныя дефилеи, въ которыхъ человекъ долженъ въковыми трудами покушать скудные дары природы. Въ ущельяхъ этихъ большею частью лежатъ деревни; вокругъ нихъ, крутые скаты горъ, съ удивительнымъ искусствомъ и немовѣрными трудами обдѣланные террасами, на которыхъ, въ видѣ амфитеатра, поднимаются богатые фруктовые сады и виноградники, составляющіе единственное почти средство существованія туземцевъ. Только на возвышенныхъ плоскостяхъ есть земледѣліе, и то совершенно въ бѣдномъ положеніи. Труды человека остаются здѣсь вознагражденными, тогда, какъ напротивъ того, къ сѣверу отъ Андійскаго хребта, въ Чечнѣ, природа щедростію своею балуетъ человека и приучаетъ его къ жизни праздною и буйною.

На описанномъ пространствѣ, заключающемъ болѣе 30 т. квадратныхъ верстъ, живетъ не менѣе 400 тыс. народонаселенія мужскаго пола, весьма разнообразнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Главная масса состоитъ изъ Чеченцевъ и Лезгинъ, раздѣленныхъ между собою хребтомъ Андійскимъ. Къ племенамъ двухъ этихъ корней, присоединились позднѣйшіе пришельцы, происхожденія Монгольскаго и Персискаго, какъ-то: Кумыки, Нагайцы и др.; есть также нѣкоторое количество Евреевъ и Армянъ.

Чеченцы раздѣлены на большое число племенъ, носящихъ свои частныя наименованія и живутъ частью на плоскости, до самаго Терека, частью въ горахъ. (1) Число тѣхъ и другихъ можетъ простираться до 90 тыс. или 100 душъ мужскаго пола.

Лезгины составляютъ самое многочисленное племя; кромѣ малой прибрежной части, они исключительно населяютъ все пространство къ югу отъ хребта Андійскаго до Кубинской провинціи, и даже южной скатъ главнаго хребта. Все это пространство называется Дагестаномъ, т. е. горная страна (отъ татарскаго слова Даг—гора) или Лезгистаномъ. (т. е. Лезгинская страна) На пространствѣ Дагестана, подлежащемъ этому описанію, т. е. до Кубинской провинціи, можно считать Лезгинскаго племени не менѣе 280 тыс. душъ мужскаго пола.

Лезгины подраздѣляются на множество частныхъ обществъ, владѣній и племенъ, различающихся не только разными мѣстными наименованіями, но отчасти и языкомъ, обычаями, образомъ правленія и даже происхожденіемъ, ибо многіе смѣшались съ другими племенами.

Хотя положеніе страны заставляетъ каждого, способнаго носить оружье, быть вооруженнымъ, но различныя обстоятельства дѣлаютъ невозможнымъ общее сліяніе племенъ; и временное ихъ соединеніе вынѣ, подъ игомъ Шамиля, есть только случайное обстоятельство, не имѣющее ни какой прочности; въ партияхъ и сборищахъ ихъ не бывало никогда болѣе 20 тыс. человекъ. Сборища эти не могутъ долго оставаться въ полѣ, по недостатку продовольствія, которымъ каждый запасается по возможности; при томъ, въ нихъ трудно водворить дисциплину и единство. За то, при оборонѣ, въ неприступныхъ ущельяхъ, въ укрѣпленныхъ аулахъ, въ завалахъ или лѣсахъ, самая малая горсть можетъ удерживать сильнѣйшіе отряды и наносить имъ чувствительную потерю. Горцы особенно искусно укрѣпляютъ, дѣлаютъ засады и набѣги.

Въ заключеніе этого краткаго обзора, необходимо еще сказать нѣсколько словъ, собственно о тѣхъ племенахъ и обществахъ, которыя были ближайшими виновниками предпріятой сильной экспедиціи.

Главную роль въ этихъ дѣйствіяхъ играли: Салатовцы, Гумбетовцы, Койсубулинцы и Ичкеринцы. Имъ содѣйствовали: Андійцы, Карата, Богулляръ, Хидатль, Чамалаль, Кіалаль, Боюсъ и др. Андальцы оставались нейтральными. Главныя племена, названныя выше, уже неоднократно присягали въ покорности Русскому Правительству, выдавали аманатовъ, но сохраняли только наружную покорность, и смирялись единственно для того, чтобъ удалить отъ своихъ земель русскія войска. Салатовцы, ближайшіе къ намъ изъ Лезгинскихъ племенъ, оставались и въ 1839 году совершенно покорными по наружности; (кромѣ только одной деревни Буртунай, но втайнѣ питали непримиримую ненависть къ Русскимъ, возбуждаемые хитрою, осторожною и коварною политикою Старшинъ Черкеевскихъ. Черкеи были главныя Салатовскія аулы, лежавшія на лѣвой сторонѣ Сулака, въ позиціи весьма сильной, съ 4-ю или 5-ю т. жителей мужскаго пола и имѣвшія влияние даже на племена соседственныя съ Салатовцами. Черкеевцы гордились тѣмъ, что никогда не допускали Русскихъ въ свои стѣны; по наружности выказывая покорность нашему Правительству, они въ то же время были потаенною пружиною всѣхъ безпокойствъ въ этомъ краѣ. Главными лицами въ управленіи дѣлами Черкеевцевъ были старшины: Джамаль и Кадій Таймасъ-Хачъ.

Гумбетовцы и Андійцы были сами по себѣ все исклонны къ безпокойствамъ; особенно Андійцы, какъ народъ болѣе торговый и промышленный и всегда дорожившій мирными отношеніями къ Русскимъ, для выгоды своей промышленности. Случайныя, временныя обстоятельства по немалѣ заставили оба эти общества вооружиться противъ насъ. Изъ Гумбетовскихъ ауловъ, только Чер-

(1) Теперь они большею частью отгнаны къ подошвамъ горъ и въ ущелья.

катъ, лежащій на Андійскомъ Койсу, былъ дѣйствительно въ числѣ самыхъ непокорныхъ и враждебныхъ.

Койсубулинцы, покоренные въ послѣдній разъ въ 1837 году, отданы были подъ управленіе Шамхала Тарковского. Но изъ нихъ только въ-которыя деревни дѣйствительно переданы намъ и остались вѣрными въ продолженіе экспедиціи 1839 года. Главнымъ изъ сихъ ауловъ былъ Ундукулъ, самый значительный изъ всѣхъ ауловъ этого края. Центромъ же враждебной намъ партии были Гимры и Ашильта. Гимры были уже два раза разрушаемы русскими войсками, но жители снова получали позволеніе селиться и снова аулъ этотъ дѣлался гнѣздомъ самой коварной вражды противъ Русскихъ и всѣхъ мятежей въ краѣ. Ашильта также была разрушена въ 1837 году. Кромѣ того, въ числѣ самыхъ коварныхъ селеній было Ихали, на Андійскомъ-Койсу, выше Чирката.

Земля Ичкеринцевъ и Аргунское ущелье были всегда убѣжищемъ всѣхъ мятежниковъ и Абрековъ Чеченскихъ. Здѣсь, полагаясь на неприступность мѣстности, жители были самыми упорными и буйными врагами Русской власти, не смотря на то, что войска наши доходили, нѣкогда, даже до главнаго Ичкеринскаго аула Беноя, и что нѣкоторыя селенія, лежащія по Аргуну, выдали намъ аманатовъ.

Таковы были, въ началѣ 1839 года, тѣ племена, противъ и среди которыхъ дѣйствовалъ отрядъ Генералъ-Лейтенанта Граббе.

Знамя общаго возстанія въ Северномъ Дагестанѣ было поднято въ 1830 году, на берегахъ Аварскаго и Андійскаго Койсу. Имя Казимуллы, дотошъ бѣднаго и ничтожнаго Гимринскаго жителя, въ самое короткое время сдѣлалось извѣстнымъ на всемъ Кавказѣ и же-ученіе его далеко распространило кровавые свои слѣды. Въ теченіе трехъ лѣтъ, этотъ изступленный фанатикъ, проповѣдая вольность, равенство и войну съ невѣрными, владычествовалъ мечемъ и огнемъ во всемъ сѣверо-восточномъ краѣ Кавказа. Но въ упорной битвѣ съ Русскими подъ Гиграми, Казимуллу положилъ свою голову. Геройская смерть его сдѣлала большое впечатлѣніе на горцевъ; они считали его святымъ мученикомъ, погибшимъ за религію и свободу края.

Несмотря на это, казалось, что край успокоился; но зло далеко пустило корни, и ученіе Казимуллы зашло въ умы Дагестанцевъ, какъ роковое, неистребимое сѣмя. Явились преемники Казимуллы, изъ числа прежнихъ важнѣйшихъ его сообщниковъ. На мѣсто его, главою секты, вступилъ Гамзатъ-Бекъ. Пользуясь удаленіемъ и малочисленностію русскихъ войскъ, онъ успѣлъ увлечь за собою горскія племена и истребилъ въ 1834 году весь Аварскій Ханскій домъ, овладѣлъ Аварією.

Но злодѣянство это не долго оставалось безъ наказанія: Хунзахцы, приверженцы и нукеры истребленнаго Ханскаго дома подъ начальствомъ Гаджи Мурата, горя мщеніемъ за смерть своихъ господъ, убили Гамзата, при выходѣ его изъ мечети.

Преемникомъ его былъ объявленъ человекъ, который уже давно былъ извѣстенъ Дагестану, какъ приближенный, какъ другъ Казимуллы и какъ самый дѣятельный участникъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Шамиль покинулъ своего учителя до послѣдней минуты его жизни, и весь израненный, пообидѣвъ сквозь строй штыковъ. По смерти Казимуллы, онъ сдѣлался помощникомъ Гамзата Бека. Развитіемъ фанатизма, ученостію, быстрымъ умомъ, твердою волею, мужествомъ и энергическимъ характеромъ,—Шамиль легко увлекъ на свою сторону не только народъ, но многихъ честолюбцевъ, имѣвшихъ большое влияние въ своихъ обществахъ и приставшихъ къ нему чтобъ самимъ возвыситься. Изъ такихъ ревностныхъ сообщниковъ Шамия были: Сулхай, Али-Бекъ, Ахверды Мгома, Кибитъ-Мгома и нѣкоторые другіе. Въ его же духъ, но особо дѣйствовали въ Чечнѣ: Уди-Мулла и Ташаъ-Хаджи. Причину такого возвышенія Шамия должно искать въ фанатическомъ лжеученіи, быстро распространившемся послѣ Казимуллы, по легковѣрью и буйному характеру горцевъ. Руководствуемые болѣе честолюбіемъ, чѣмъ фанатизмомъ, мюризы проповѣдывали всеобщее равенство, истребленіе всякой аристократической и самодѣятельной ханской власти, и доказывали что нѣтъ другой истинной власти, кромѣ поставленной Богомъ, но избранію самаго народа. Такія правила, естественно должны были нравиться необузданному, дикому характеру горцевъ и легко увлечь ихъ. И потому Казимуллѣ нетрудно было одушевить ихъ до изступленія, жаждою къ войнѣ и къ кровопро-

пролитію, внушая имъ что истребленіе невѣрныхъ, есть спасеніе души и заслуга предъ Аллахомъ. На этихъ основаніяхъ дѣйствовалъ и Гамзатъ Бекъ, но вполне развилъ систему эту Шамиль (2).

Въ первый разъ онъ явился на сцену, какъ лицо самобытное, въ 1836 году, и въ короткое время успѣлъ утвердить свое вліяніе на обширномъ пространствѣ, на которомъ дѣйствовалъ совершенно деспотически. Ашильта, Черкаты и Гимры составляли вмѣстѣ средоточіе, откуда простекало все безпокойства, возненія и мятежи. Отсюда Шамиль разсылалъ своихъ мюридовъ съ партіями, для приведенія въ исполненіе своихъ приказаній въ другихъ аулахъ; отсюда онъ иногда самъ дѣлалъ набѣги на тѣ селенія, которыя осмѣливались ослушаться или не признавать надъ собою его владычество; многіе аулы претерпѣли, отъ сопротивленія своего, самую бѣдственную участь: Шамиль разорялъ ихъ до основанія, выселялъ жителей на другія мѣста, или заставлялъ ихъ разбѣгать. Имущество ихъ было добычею, въ награду усердія мюридовъ, кровожадныхъ исполнителей его воли. Такимъ образомъ, большая часть ауловъ приняла его сторону отъ страха, и страхомъ держалась въ повиновеніи. Выдавши аманатовъ Шамилю, общества, по необходимости оставались ему вѣрными, не смѣли покориться Русскимъ и слѣпо повиновались грозному фанатику.

Такъ дѣйствовалъ Шамиль постоянно до 1839 года, несмотря на занятіе нами Аваріи въ 1837 г., чѣмъ мы разобили нѣкоторыхъ горцевъ, и не смотря на военныя дѣйствія, предпріятыя въ 1837 и 1838 годахъ, потому что оба раза предпріятыя русскія войска были разстроены случайными и посторонними обстоятельствами.

Шамиль, утравенный сосѣдствомъ Русскихъ, утвердившись въ Аваріи и вспоминая что въ 1837 году, осажденный въ Тилити, Генералъ-Лейтенантомъ Фези, онъ едва не попалъ въ руки намъ и только притворною покорностію и лживою присогою спасся отъ плѣна, рѣшился въ 1837 и 1838-й годы употребить на устройство такого убѣжища, которое, сальное по природѣ и укрѣпленное всѣми средствами, было бы совершенно недоступно для Русскихъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ укрѣпляться на одномъ утесѣ, на правомъ берегу рѣки Андійскаго Койсу, нѣсколько ниже Ашилты; мѣсто это называлъ онъ *Ахульго*, — что означаетъ: сборный пунктъ на случай тревоги. Сюда собралъ онъ все свое имущество: награбленныя драгоценности; аманатовъ; залогов, и постоянно оставалъ тамъ въ гарнизонѣ сильную часть своей партіи. Утесъ этотъ, съ пещерами и укрѣпленіями, не былъ еще очень силенъ въ то время, когда въ 1837 году, Генералъ Фези атаковалъ его; но Шамиль снова съумѣлъ лжедѣльствомъ отклонить опасность. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ приступилъ, не только къ возведенію прежнихъ укрѣпленій, но началъ укрѣплять еще другой, ближайшій утесъ; настроялъ на немъ цѣлый подземный аулъ и назвалъ это мѣсто Новымъ-Ахульго. Старое и новое Ахульго вмѣстѣ, составляютъ выдающийся полуостровъ, обмыаемый съ трехъ сторонъ рѣкою Койсу, которой берега въ этомъ мѣстѣ совершенно отвѣсны. Укрѣпленія состояли уже не изъ высокихъ каменныхъ башенъ, которыя скоро могли быть сбиты артиллеріею, но изъ траншей и заваловъ, углубленныхъ въ землю и глубокихъ переконовъ на двухъ узкихъ тропинкахъ, которыми единственно оба утеса смыкались съ окружающими горами. На всѣ эти работы Шамиль употребилъ около двухъ лѣтъ. Сверхъ того, Шамиль успѣлъ отвлечь вниманіе Русскихъ на Чечню, гдѣ Ташавъ-Хаджи, покинувъ мысль состязаться съ Шамилемъ и уничтоживъ соперника своего Уду-Мулла, собралъ огромную шайку, дѣлалъ набѣги и хотѣлъ вступить въ союзъ съ Шамилемъ, чтобы общими силами дѣйствовать противъ Русскихъ. Появленіе отряда нашего въ Чечнѣ, предупредило это соединеніе.

Не оставаясь празднымъ въ продолженіи зимы съ 1838 по 1839 годъ, Шамиль собиралъ сильную партію изъ всѣхъ преданныхъ ему Лезгинскихъ обществъ, а именно: *Койсубулицевъ, Гумбетовцевъ, Андійцевъ, Цежисалцевъ, Кіаллицевъ, Чамаллицевъ, Богуляцевъ, Каратинцевъ и Хидатлицевъ*. Въ сборѣ своихъ ополченій онъ сталъ наблюдать правильность; бралъ отъ пле-

менъ, съ известнаго числа населенія мужскаго пола, определенное число вооруженныхъ людей; только въ крайнихъ случаяхъ объявлялось поголовное ополченіе цѣлаго общества. Такимъ образомъ, зимою собралъ онъ партію изъ 5 тыс. человекъ, кромѣ 300 самыхъ отчаянныхъ и приверженныхъ къ нему мюридовъ, бывшихъ неотлучно при немъ, въ видѣ тѣлохранителей. Гумбетовцы рѣшительно предали Шамилю въ Январѣ мѣсяцѣ, и выдали ему залогов и значительное число запасовъ. Андійцы тоже присоединились, хотя и неохотно. Съ этою партіею Шамиль дѣлалъ набѣги на Аварію и на тѣ аулы, которыя не хотѣли принять его сторону и успѣлъ выжечь нѣсколько селеній. Потомъ дѣлалъ онъ покушенія на покорный намъ Ундукумъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ съ мужествомъ держался противъ его шайки, несмотря на близость свою къ неприязненнымъ ауламъ Ахульго и Гимры. Ундукумцы, предводимые храбрымъ своимъ старшиною Азлю, принудили Шамиля отказаться отъ своихъ замысловъ. Ахульго, въ глазахъ Шамиля и горцевъ, не только не могло быть взято русскими войскамъ, но даже и подступъ къ нему совершенно невозможенъ. Кромѣ Ахульго, Шамиль приказалъ, по совѣту Сурхая, укрѣпить на дорогѣ отъ Гумбета въ Салатау, аулъ Аргуани, лежащій въ мѣстности и безъ того трудно-доступной и испортивъ спускъ изъ Салатави въ Гумбетъ, Кирки, устроенный въ 1838 году, Генераломъ Крюковымъ.

Распуская свою партію въ Февралѣ мѣсяцѣ, Шамиль взялъ со всѣхъ обществъ клятвенное обѣщаніе вновь собраться по первому призыву. Въ половинѣ Апрѣля снова объявилъ всеобщее вооруженіе; довѣренныя его мюриды и сообщники были разсланы въ разныя стороны, для сбора ополченія со всѣхъ Лезгинскихъ обществъ.

Всѣ эти распоряженія Шамиля доходили до Русскаго Начальства весьма поздно и неопредѣлительно. Часто ложные слухи, съ умысломъ распространяемые, отвлекали наши войска, расположенныя въ Северномъ Дагестанѣ. По слабости своей, они не могли ничего предпринимать и ограничивались только оборонительными движеніями. Къ тому же, въ это время Русское Начальство въ Северномъ Дагестанѣ занято было снабженіемъ продовольствіемъ и запасами укрѣпленій: Хунзаха, Зирани и Бурундукъ-Кале, и смѣною гарнизонныхъ въ этихъ пунктахъ; слѣдственно, силы наши были разбѣганы въ непрерывномъ движеніи, такъ что, не могли даже воспрепятствовать смѣлому покушенію, сдѣланному въ началѣ Мая Шамилемъ на Ирганой (въ 40 верст. отъ Шуры по дорогѣ въ Аварію); селеніе это было истреблено.

Въ это время нашъ главный отрядъ собирался при кр. Везанной. Шамиль обратилъ туда все свое вниманіе. Приверженцы его, разсланные въ разныя общества, съ успѣхомъ набирали шайки и возбуждали во всѣхъ племенахъ фанатизмъ или страхъ. Тысячами сбѣжали горцы къ Аргуани. Шамиль употреблялъ для возбужденія ихъ противъ Русскихъ всѣ средства и угрозы и насильство.

Салатовцы, какъ и всѣ горцы, душевно были рады поднять оружіе противъ Русскихъ, но благоразумные и осторожные старшины удерживали буйную молодежь; совѣтовали повременить, и продолжали держаться коварной и двуличной политики на обѣ стороны. Чиркей подавалъ примѣръ другимъ ауламъ; они скрывали свои намѣренія, но тайнѣ помогали Шамилю и большее число молодежи послѣжило въ окончаніе его. Одины только Буртунай, полагающіе на неприступность позиціи, прикрывающей его, явно принявъ сторону Шамиля и призывали его къ себѣ для встрѣчи Русскихъ. Прочіе Салатовскіе аулы колебались, не рѣшаясь ни принять сторону Шамиля, ни рѣшительно отказать ему.

Таково было положеніе дѣлъ въ то время, когда русскія войска въ значительныхъ силахъ собрались уже на Львомъ флангѣ Кавказской Линіи, съ цѣлю: рѣшительнымъ ударомъ положить конецъ распространенію зла и разсѣять собирающуюся грозу.

Главная цѣль отряда Г.-Л. Граббе состояла въ томъ, чтобы разбить партію Шамиля; привести въ покорность Салатовцевъ, Гумбетовцевъ, Андійцевъ и Койсубулицевъ, и если возможно, вмѣстѣ съ войсками южнаго отряда, разрушить гнѣздо мятежниковъ—Ахульго.

Силы и средства, которыми Генералъ Граббе могъ располагать въ Чечнѣ, для экспедиціи въ Северный Дагестанъ, состояли: изъ 10 баталіоновъ (около 7 тыс. человекъ подъ ружьемъ), одной

саперной роты, 8 легкихъ и 10 горныхъ орудій; изъ казаковъ и милиціи: Аварской, Мехтулинской и Шамхальской.

Но онъ не могъ въ самомъ началѣ сосредоточить всѣхъ этихъ войскъ на одномъ пунктѣ, и 1-го Мая, при кр. Везанной собрались только:

Пѣхоты 6 баталіоновъ.

Саперная рота.

Артиллеріи. { 6 легк. } оруд.
                  { 4 горн. }

Казаковъ. { конныхъ до 2-хъ сотень.
                  { пѣшихъ до 400 » »
Кабардинской милиціи » 280 человекъ.

Ген., Шт. и Нижнихъ

Об. Офиц. чиновъ.

Итого въ строю. 167. 5546.

Отрядъ этотъ расположился лагеремъ на р. Актаншѣ, нѣсколько ниже крѣпости.

Въ Северномъ Дагестанѣ войска были въ слѣдующей силѣ:

Пѣхоты 6 баталіоновъ,

Кавалеріи до 150 человекъ казаковъ.

Артиллеріи. { 10 легк. } оруд.
                  { 4 горн. }

Изъ этого числа, для совокупнаго дѣйствія съ отрядомъ Генерала Граббе, назначалось.

Пѣхоты 4 баталіона.

Артиллеріи. { 2 легк. } оруд.
                  { 4 горн. }

Генералъ Граббе предписалъ Генералу Пантелеву, командовавшему въ Северномъ Дагестанѣ, расположить свои войска такимъ образомъ, чтобы по первому приказанію, въ 32 часа, можно было собрать ихъ при Темиръ-Ханъ-Шурѣ и немедленно двинуть туда, куда будетъ назначено.

Между тѣмъ, отрядъ, собранный при кр. Везанной, былъ совершенно готовъ къ выступленію 8 числа Мая. Тутъ только обстоятельства открыли какой именно планъ должно принять для первоначальныхъ дѣйствій. Рѣшено было, прежде открытія дѣйствій противъ Шамиля, сдѣлать быстрое вторженіе въ Чечню, уничтожить укрѣпленія Ташавъ-Хаджи; разсѣять его шайку или по крайней мѣрѣ удалитъ ее отъ Линіи и наказавъ ближайшіе мятежные аулы Ичкеринскіе, опять вернуться въ кр. Везанную, съ тѣмъ, чтобы уже съ совокупными силами двинуться противъ Шамиля, въ Лезгинскія общества.

Такой планъ необходимо было принять по всѣмъ соображеніямъ. Дѣйствія противъ Шамиля не могли быть окончены въ короткое время и, какъ должно было предполагать, далеко завлечь отрядъ въ горы; тогда Ташавъ-Хаджи, находясь съ своею шайкою въ тылу нашихъ войскъ, сталъ бы безпрятственно дѣлать набѣги на Линію, и окончательно вооружилъ бы всю Чечню.

И такъ, рѣшено было 9 го Мая двинуться изъ Везанной въ землю Ичкеринцевъ. На кануѣ выступленія, Корпусный Командиръ (Генералъ Головинъ), пріѣзжавшій въ кр. Везанную, осматривалъ войска и въ присутствіи его совершенно было въ лагерѣ молебствіе. На другой день, Генералъ Граббе отдалъ слѣдующій приказъ по отряду.

«Вамъ знакомы уже, ребята, труды и непріятель, на котораго я поведу васъ: одна сила оружія укротитъ или истребитъ этихъ нарушителей спокойствія, какъ въ горахъ, такъ и въ самыхъ границахъ нашихъ. Пойдемъ! отыщемъ ихъ въ убѣжищахъ, которыя они почитаютъ неприступными. Откуда человекъ выйдетъ, туда достанетъ Русскій штыкъ. Много есть между ними такихъ, которые желаютъ наконецъ покоя, подъ защитою нашего оружія; отличимъ ихъ отъ не покорныхъ, вездѣ гдѣ они явятся. Женщинамъ же и дѣтямъ, ребята, непремѣнно и вездѣ пощады! Не будьте страшны для безоружныхъ. Берегите вашу пулю; не теряйте ее на улачу, особенно къ мѣстамъ открытымъ.»

«Приступимъ же къ нашему дѣлу въ день Св. Николая Чудотворца, съ надеждою на Бога и Государя. Твердо полагаюсь на васъ, Господа Начальники всѣхъ чиновъ, въ строгомъ наблюденіи за исполненіемъ смысла сего приказа. Вы поведете умно и неустрашимо солдатъ, уже известныхъ своею храбростію!»

(Продолженіе въ слѣд. №)

(2) Теперь, онъ не нуждается и въ этихъ предлогахъ, а держитъ однимъ страхомъ, которымъ оковалъ горцевъ.